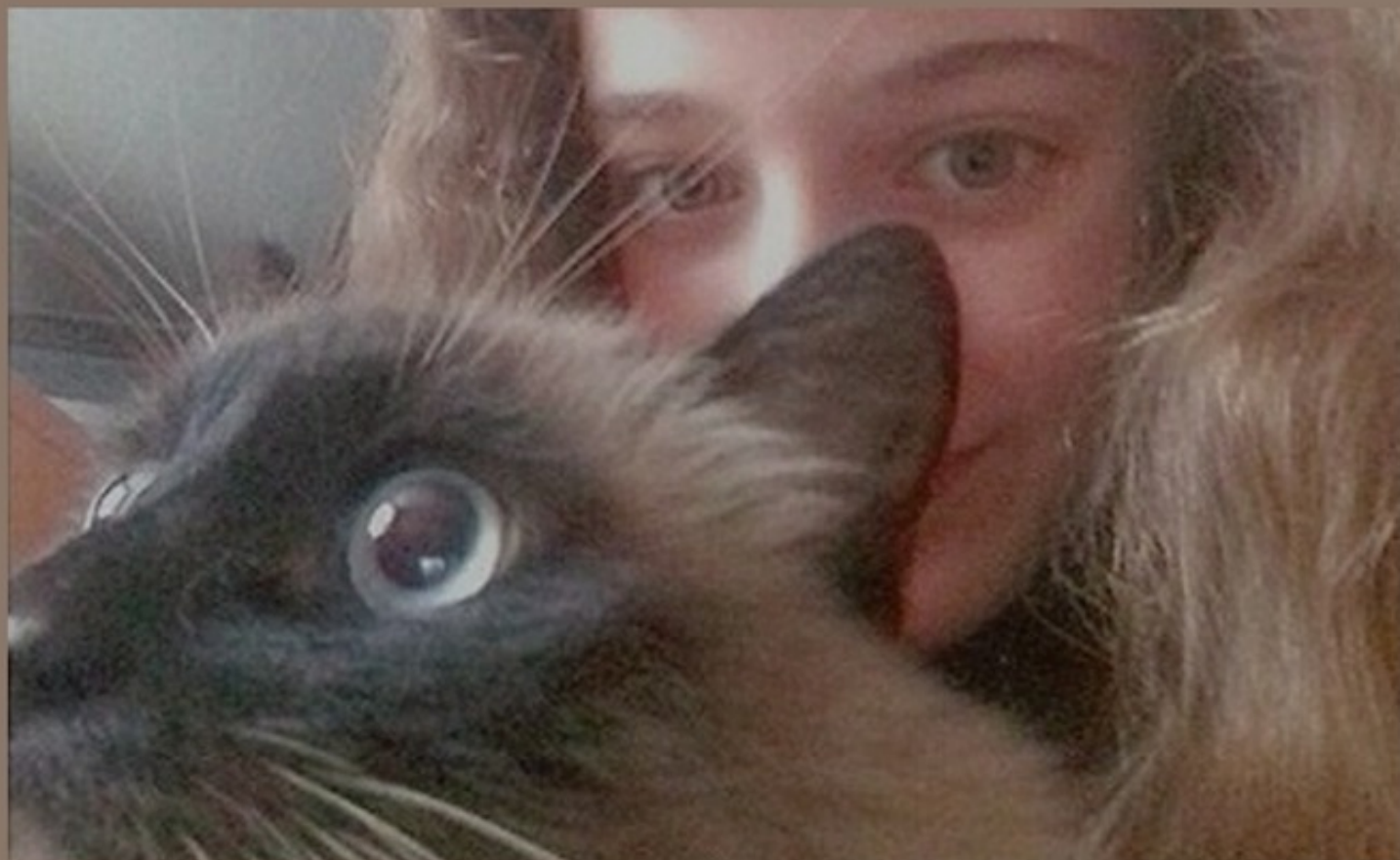

Эль Верж

**ПРЫЖОК
К СЧАСТЬЮ**

Эль Верж

Прыжок к счастью

«Издательские решения»

Верж Э.

Прыжок к счастью / Э. Верж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839235-1

Путь к счастью порой очень далек... Эллине, чтобы быть с любимым, придется не только избежать смертельные опасности, но и при помощи магии примерить чужую «шкурку».

ISBN 978-5-44-839235-1

© Верж Э.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Часть вторая	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Прыжок к счастью

Эль Верж

© Эль Верж, 2017

ISBN 978-5-4483-9235-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Утро медленно пробиралось в город. Темнота отступала, оставляя улицы, площади и бульвары розово-голубоватому свету, льющемуся сквозь светло-серые облака. Огромные мохнатые снежинки, кружась, плавно падали на землю, укрывая ее пушистым белоснежным ковром. Редкие прохожие, спешащие на работу, с жалостью поглядывали на солидное, выложенное мраморной плиткой крыльцо. Там лежала кошка, уже изрядно припорошенная снегом. Задняя лапка животного была неестественно вывернута. На осунувшейся мордочке шерсть слиплась острыми сосульками. Большие, ярко-зеленые глаза потускнели и неподвижно смотрели на падающий в желтом свете еще не выключенного фонаря снег. С каждой секундой жизнь уходила из этого маленького тельца...

Элегантная, серебристая иномарка бесшумно притормозила у обочины. Дверца машины распахнулась, и на улицу вышел высокий молодой человек. Слабый ветерок слегка развеивал темно-русые волосы. Мужчина, захватив с собой черную кожаную папку, закрыл машину и направился к своему офису.

– Интересно, что это лежит на крыльце? Неужели бомба – подарочек от конкурентов? – Усмехнулся про себя молодой человек, поднимаясь по ступенькам.

– Это кошка! – Разглядел, наконец, он. – Бедное животное, неужели замерзло? – Мужчина наклонился над кошкой и уловил еле заметное дыхание. – Нужно отвезти тебя к ветеринару, бедняжка. Может, он сможет тебе помочь. Бережно подняв животное, он с жалостью посмотрел на кошку и быстро понес ее к машине. Через пару секунд машина скрылась за поворотом.

Молодой человек даже представить себе не мог, что только что он спас самое дорогое для себя существо на всем белом свете...

Часть первая

Утро. От земли поднимался легкий туман и призрачными лентами цеплялся за нижние ветви деревьев. Чуть заметная тропинка змейкой вилась по густому лесу. Свежо. Молодая девушка потеряла озябшие руки и плотнее запахнула шаль из грубой шерсти. Оглядевшись по сторонам, она сошла с тропинки и медленно побрела по высокой, мокрой от росы траве. Вдруг она радостно вскрикнула, нагнулась и что-то, сорвав, положила в корзину.

– Теперь я смогу сделать мазь для тетушки Мари. – Удовлетворенно подумала девушка и стала выбираться на тропинку. Выбравшись из густой травы, она встряхнула намокшую длинную юбку и легко побежала к дому.

Дом Адель стоял в стороне от деревни, в лесу. Через полчаса быстрой ходьбы она уже заметила покрывшуюся бархатным зеленым мхом крышу дома. Крохотные окошечки приветливо подмигивали. Девушка, слегка наклонившись, проскользнула в маленькую дверь. В голову сразу же ударил аромат высушенных трав в изобилии развешенных по стенам.

– Адель, это ты? – Приглушенно спросил старческий голос.

– Да, тетушка! Я нашла то, что Вы просили! Вот! – Сказала Адель и, достав из корзины маленькую зеленую веточку какого-то растения, положила на стол. Тетушка Мари вышла из-за синей холщовой занавески, подошла к столу и взяла скрюченными, морщинистыми пальцами маленькое растение.

– Да, да... Это именно оно. – Пробормотала старуха и уже громче добавила. – Молодец Аделька. Ты уже многому научилась у меня. Скоро ты сможешь справляться и без меня.

– Но тетя... – Начала девушка, но тетка не дала ей договорить.

– У каждого свое время, ничего не поделаешь. Но не будем об этом. Сегодня придет Марта за настойкой от зубной боли. Приготовь ей настойку и налей в этот пузырек. А я пойду, прилягу, что-то нездоровиться мне сегодня.

– Отдыхайте, тетушка, я все сделаю. – Заверила старую женщину Адель и принялась готовить настойку. Она взяла маленькую медную ступку. Положив туда каких-то трав, налила немного золотисто-зеленой жидкости и принялась растирать тяжелым пестиком. Из ступки стал выделяться терпкий, чуть-чуть горьковатый запах. Адель еще раз перемешала настойку и долила чистой воды. Вылив содержимое ступки в пузырек, она закрыла его деревянной пробкой и поставила на полку.

Теперь нужно было заняться домашними делами. Сначала она молниеносно смахнула пыль с деревянного стола, пары стульев и небольшого шкафчика, в котором стояли глиняные чашки и тарелки. Потом Адель схватила глиняный кувшин и побежала на ближайший ручеек за водой.

Солнце уже стояло высоко над лесом. Нежные лучи пробивались сквозь кроны деревьев и гладили лицо девушки. Среди ветвей весело щебетали птицы, как обычно встречая утро песней. Адель спустилась к узенькому ручейку, сбегавшему с холмов. Вода мелодично журчала и разноцветными огоньками сверкала в лучах солнца. Девушка наполнила до краев кувшин, поставила его рядом на землю. Наклонившись к воде, она зачерпнула ледяной воды и плеснула в лицо. Вода взбадривала, освежала. Подняв кувшин, Адель пошла домой.

Тетушка Мари еще спала.

– Обед еще нужно сварить. – Подумала девушка и открыла маленький люк в полу, где хранились продукты. Вдруг в дверь кто-то осторожно постучал. Адель не удивилась. К ним часто приходили люди за разными настойками и мазями. Случалось, приходили и ночью. А что будешь делать, если ночью зуб заболит? Конечно, бежать к тетушке Мари.

Адель подошла к двери и открыла ее. Там был Жан – мальчишка из деревни. Он часто ходил с Аделью в лес и помогал собирать ей травы. Сейчас он дышал с трудом – было видно, что всю дорогу от деревни бежал. В глазах застыли тревога и страх.

– Что случилось, Жан? – Встревожено спросила Адель, кто-нибудь заболел.

Мальчик помотал головой, а потом выпалил:

– Адель, уходи отсюда! Быстрее!

– Да что случилось Жан, объясни! – Вскричала девушка и втянула испуганного ребенка в дом.

– Там... В деревне... – Запинаясь, начал объяснять мальчишка. – Они сейчас идут сюда. Я бежал... Хотел предупредить тебя... Но они скоро будут здесь, уходи...

– Но почему, Жан? Что я такого сделала? Почему я должна уйти? – Удивилась Адель.

– Тетушку Мари и тебя объявили ведьмами... – Прошептал мальчик.

– Но это же ложь! – Возмутилась Адель. – Мы никакого отношения не имеем к колдовству!

– И все же, они идут...

– Кто?

– Почти вся деревня. Главный среди них – старик Барно. Он больше всех кричит.

– Старик Барно... – Прошептала Адель. Стало все ясно. Это была месть. Недавно она отказалась стать женой его сына – грубого недалекого мужика. Старик этого забыть не смог.

– Спасибо, Жан, что предупредил. Ты настоящий друг. Беги теперь домой. Не нужно, чтобы тебя здесь заметили. – Дрогнувшим голосом сказала девушка, и поцеловала на прощание мальчика в щеку.

– До свиданья, Адель. – Грустно сказал Жан и убежал домой. Скоро он скрылся за деревьями.

– Что это я стою? – Очнулась Адель. – Нужно будить тетю. – Она заглянула за занавеску, где стояли две деревянные кровати с матрасами, набитыми высушенной травой. На одной из кровати сидела тетя Мари.

– Я все слышала, Адель. – Сказала она, когда племянница попыталась рассказать ей об опасности, нависшей над ними.

– Тетя, нам нужно быстро уходить. С минуты на минуту крестьяне могут быть здесь.

– Уходи, Адель, уходи... – Чуть слышно сказала пожилая женщина.

– Тетя, вставайте, я помогу тебе идти.

– Нет, я остаюсь. Вдвоем мы далеко не уйдем. Я останусь здесь и хоть ненадолго задержу их.

– Тетушка Мари, я останусь с Вами! – Решительно сказала Адель.

– Нет, мое дорогое дитя. У каждого свой путь. Мой путь подходит к концу, а тебе еще идти и идти. Уходи и сохрани те знания, которые ты узнала от меня. А теперь иди... Времени больше нет... Иди же! – Крикнула женщина и махнула рукой.

Адель быстро обняла тетю, поцеловала ее и выбежала из дома, захватив с собой только шаль и небольшой вещевой мешок. Слезы застилали глаза девушки, окружающие предметы превращались в разноцветные пятна. Она покидала родные места навсегда...

Ветви кустарников и молодых деревьев цеплялись за юбку, мешали идти, но Адель шла и шла. Когда девушка отошла от дома на достаточное расстояние, она оглянулась. Среди зелени поднимался чуть заметный лилово-серый дым.

– Тетя... – Прошептала Адель, сглотнула комок слез, подступивший к горлу, отвернулась и зашагала прочь.

Весь день девушка, не останавливаясь, шла по лесу, пытаясь уйти как можно дальше от страшного места. Она устала. Ноги и руки были поцарапаны. Юбка разорвана о ветви. Обувь почти развалилась.

Ночь опускалась на лес. Сумерки сгущались. Но вдруг наступающей темноте замелькали оранжевые огоньки – факелы и раздался собачий лай.

– Погоня! – с ужасом подумала Адель и кинулась вверх по холму. Но лай собак становился все ближе. Силы были на исходе. Адель, собрав последние силы, взобралась на вершину холма. Шагнула вперед, оступилась и полетела в темноту. Она летела секунду, другую, третью, а пропасть все не кончалась. Внезапно тьма сменилась ярким, ослепительным светом и Адель упала на что-то очень мягкое. Она не могла разглядеть на что именно, потому что все было залито белым светом.

– Адель! – Услышала она чей-то ласковый голос и почувствовала, что неведомая рука осторожно помогла ей встать на ноги.

– Вот мы и встретились с тобой. Время пришло. – Мягко сказал голос.

– Что случилось? Кто Вы? Я... Я попала в царствие небесное? – Спросила девушка.

– В некотором роде...

– Значит, я умерла и не смогла исполнить желания тетушки... Но я смогу ее увидеть!

– Сможешь, но не сейчас. Ты еще не выполнила своего предназначения.

– Но...

– Сейчас ты все поймешь... В земном мире счастье многих людей зависит от маленьких чудес, или счастливых случайностей, как часто называют их люди. Но ты понимаешь, что ничего в мире не происходит случайно. Все дела вершатся с определенной целью. И кто-то должен так скажем «устраивать» эти счастливые случайности. Выбор пал на тебя... Не спрашивай почему, когда-нибудь ты поймешь сама. Чтобы тебе было проще понять, скажу тебе, что ты будешь своего рода феей, помогающей тем, кто этого заслуживает. Вот тебе книга счастья. – Адель почувствовала, что в руки ей попала толстая книга в гладком кожаном переплете. Когда ты откроешь ее, знание придет к тебе... – Тихо сказал голос. – А теперь возвращайся.

– Но кто Вы?

– Когда-нибудь, когда придет время, мы встретимся с тобой, и ты узнаешь, кто я. – Уже чуть слышно, словно издали принесенный ветром, донесся голос и затих. Яркий свет стал потихоньку тускнеть, бледнеть. Вскоре все поглотила крошечная тьма, и Адель лишилась чувств.

Адель повернулась, и сразу же тысячи мелких иголок впились в руку.

– Наверное, я долго лежала на ней и она онемела. – Пришла первая мысль в голову девушки после забытья.

– Кажется, я упала с холма в ущелье. К счастью, ничего не сломала. А где же преследователи? – Встрепенулась Адель и прислушалась, стараясь услышать собачий лай. Тишина. Только кроны деревьев слегка шелестят на ветру.

– Странно. Неужели сбили со следа? – Удивилась про себя девушка. – Видать, я все же сильно стукнулась головой. У меня было странное видение... Хотя голова ничуть не болит... И вообще я чувствую себя прекрасно! Я полна сил! – Адель поднялась, потянулась и собралась продолжить путь, но вдруг за что-то загнулась. Она наклонилась, подняла лежащий на земле предмет. Что-то прямоугольной формы, тяжелое. В просвет между тучами заглянула луна и осветила призрачным светом предмет в руках у девушки. Это была книга в коричневом кожаном переплете, на котором золотой краской было вытеснено название: «Книга счастья».

Часть вторая

Глава 1

Коридор казался бесконечным. Я бежала по нему целую вечность. Ноги подгибались, дыхание сбивалось, сердце бешено стучало. Я бежала, и бежала вперед, не смея остановиться. Оно следовало за мной. Следовало медленно, неторопливо. Оно было полностью уверенно, что, в конце-концов, догонит меня и с наслаждением сначала разорвет на куски, а потом утолит зверский голод вкуснейшим костным мозгом. Чуть замедляя бег, я слышала тяжелые, глухие шаги, и волна страха подгоняла меня вперед. Наконец-то, коридор закончился. Дверь. Открываю ее. Лестница. Бегу. Первый пролет, второй, третий, четвертый, пятый... Сбиваюсь со счета... Бегу... Внизу хлопнула дверь... Оно уже здесь. Слышно поскрипывание деревянных ступеней под массивным существом. Мои ноги, не выдержав напряжения, подкосились, я упала на колени, больно ударившись о ребро ступеньки. Нужно идти дальше, но я не могу подняться, сил больше нет... Я ползу вверх на четырех конечностях. Снова один пролет, второй, третий... и последний. Лестница закончилась небольшой площадкой с одной единственной деревянной дверью. Я толкнула ее, но она не открылась. Я начала колотить дверь руками, ногами, но лишь старая краска грязно-красными хлопьями сыпалась на пол. Путь был отрезан. Я обессилено опустилась на пол. Снизу размеренно доносилось: «Топ-топ-топ». С каждой ступенькой смерть приближалась ко мне. Вот шаги слышны на предыдущем этаже. Сердце остановилось. Между нами два пролета... Я зажмурилась. Я знаю, что один пролет – это десять ступеней. Двадцать, девятнадцать, восемнадцать... пять, четыре, три, два, один...

– Дорогая! Уже половина восьмого! Ты сегодня идешь на работу? Я уже побежал. – Хлопнула входная дверь и воцарилась тишина.

Сердце колотилось, сбившись с ритма. Это был только сон! Чертовы кошмары! Третий за неделю! Сколько еще можно! Я потянулась, медленно встала и вдруг как ошпаренная бросилась к часам. Который он сказал час? О нет! Уже без двадцати пяти минут восемь! А у меня через пять минут уходит трамвай! Если ждать следующего, то я непременно опоздаю! Со скоростью молнии я влетела в свой рабочий костюм, тремя взмахами причесала волосы, двумя – накрашила ресницы и губы, а еще через полминуты я уже неслась к трамвайной остановке, не уступая в скорости антилопе Гну. Трамвай стоял на остановке. Я еще чуть-чуть прибавила скорости, но все равно двери перед самым моим носом закрылись. Я была в отчаянии. Никогда в жизни я еще не опаздывала на работу! Собственно говоря, за опоздание мне не сделали бы даже выговора. Но в душе я была настолько пунктуальна, что сама мысль об опоздании привела меня в ужас. Что-то замкнуло в строго упорядоченной системе серых клеток, и я, не долго думая, вспрыгнула на «колбасу» последнего вагона. Состав тронулся. Я, вцепившись в какую-то железяку, висела сзади. Редкие прохожие с разинутыми от удивления ртами безмолвно взирали на тетку, балансирующую на «колбасе». Наверное, было очень смешно смотреть, как я в белой блузке, черном элегантном костюме и в туфлях на шпильках болтаюсь позади трамвая. К моему счастью, стражей порядка в нашем районе в столь ранний час не наблюдалось, а следующая остановка была буквально через минуту. На остановке я кое-как влезла в переполненный трамвай. Но тут удача улыбнулась мне. Мужчина, сидевший на заднем сиденье около двери вознамерился выйти на следующей остановке. Единственным способом сделать задуманное, было посадить меня на свое место, а самому занять мое, что он и сделал. Удобно устроившись на мягком сиденье, я закрыла глаза и с удовольствием подумала, что на сегодня неприятности закончились. В последующие сорок пять минут, которые шел трамвай до места моего назначения, я мирно дремала под монотонный стук трамвайных колес.

Ровно в половине девятого я была на работе. Полив цветы, я села за компьютер печатать приказы, договоры и тому подобное. В общем, делать все то, что входит в обязанности секретаря фирмы, торгующей недвижимостью.

В эту фирму меня привело не высокое жалование, не захватывающая интересная работа, а любовь. Да, да, именно любовь. Я влюбилась, как говорят, с первого взгляда, хотя, может быть, кто-то скажет, что такой любви вовсе не существует, тем более, если вам перевалило за тридцать. Но со мной это случилось, даже не смотря на то, что мне был тридцать один год, и я была замужем. Увидев его впервые в супермаркете, я, сгорая от стыда, проследила за ним и выяснила, что он владелец фирмы, торгующей недвижимостью. Единственное, что я могла сделать, чтобы видеть его каждый день, это поступить к нему на работу. Без лишних сомнений, оставив свое НИИ, я пришла в фирму и получила место секретаря. Так вот я и оказалась в этом месте. Приступив к работе, я, конечно же, сразу узнала, что Григорию Александровичу (мой предмет воздыханий и начальник) тридцать три года, он холост и официально у него нет никакой невесты, хотя в последнее время к нему повадилась длинноногая стройная блондинка из финансового отдела. Без сомнения у нее были некоторые преимущества передо мной: ей было двадцать пять. Она была натуральной блондинкой, в то время как я крашеной брюнеткой с длинными, вышедшими из моды волосами. И самое главное – у нее был четвертый размер груди против моего нулевого. Преимущества, как говорится, налицо. Когда она приходила, якобы по делу, к Григорию Александровичу, мне хотелось вцепиться в ее коротенькие белесые волосы и спустить по лестнице. Этого, конечно, я себе позволить не могла, поскольку боялась лишиться работы, а, следовательно, и возможности хоть издали смотреть на любимого. Чтобы не лопнуть от злости, я начинала дыроколом проделывать дыры в толстых пачках бумаги. Это почему-то меня успокаивало.

– Григорий Александрович у себя? – опять эта блондинка! Прямо с утра!

– Нет, Светлана Кирилловна, он еще не пришел, – с милой улыбкой голодной людоедки ответила я. – И, возможно, его сегодня вообще не будет! – вслух. – А для тебя – он улетел на Альфа Центавру! – про себя. – Но я все-таки зайду попозже! – сказала соперница и уплыла в свой отдел. Через полминуты после ее ухода вошел Григорий.

– Доброе утро, Эллина Владимировна! – он всегда был очень вежлив, предусмотрителен, внимателен, но не более. Неужели ему все-таки нравится эта блондинка? – подумала я, а вслух сказала:

– Доброе утро!

– Сегодня мне понадобятся вот эти документы, – он протянул мне лист бумаги, на котором ровным, разборчивым почерком был написан список документов, – не могли бы Вы приготовить их прямо сейчас?

– Да, да, конечно! Вот эти у меня здесь, – я взяла папку на первой полке и достала нужные документы, – а вот этот договор – на верхней полке.

– Может, мне его достать, Эллина Владимировна?

– Нет, спасибо. – Я влезла на стул, встала на цыпочки, и, достав нужную папку, вынула договор. Передав бумаги Григорию, я поставила папку на место. Я уже собралась задвинуть стекло шкафа и спуститься вниз, как в ушах тоненько зазвенело, перед глазами внезапно потемнело, как будто кто-то выключил свет и... Дальше я ничего не помнила. Открыв глаза, я увидела, что сижу в мягком кресле для посетителей, а Григорий с тревогой смотрит на меня.

– Что произошло? – спросила я.

– Кажется, Вы упали в обморок. Хорошо, что я еще успел подхватить Вас, а то Вы упали бы прямо на этот дурацкий кактус. На полу по краям шкафа в кадках стояли два кактуса размерами с баскетбольный мяч. Давно нужно было бы их выбросить и поставить что-нибудь менее колючее. Как Вы себя чувствуете?

– Намного лучше. Это, наверное, потому, что я не успела сегодня позавтракать.

– Почему же Вы не успели?

– Я сегодня немного проспала и, если бы стала завтракать, то непременно опоздала бы.

– Ну, и опоздали бы немного! Ничего страшного! Здоровье Эллины Владимировны, сами знаете, гораздо важнее! Поэтому сейчас позавтракаете, а потом я вызову такси и Вас отвезут домой! Сегодня у Вас выходной!

– Но...

– Никаких «но»! Это приказ вашего начальника! – Он быстро сварил мне кофе и принес его на подносе вместе с булочками. Только почувствовав запах кофе, я поняла, насколько голодна. Быстро прикончив все, что было на подносе, я почувствовала себя просто прекрасно и вознамерилась остаться на работе, но шеф был непреклонен.

– Отдых! Вам необходим отдых, Элина Владимировна. И, пожалуйста, не спорьте, не то я вообще отправлю Вас в отпуск на месяц!

Провести целый месяц без Григория не хотелось, и я согласилась отдохнуть, но от такси отказалась наотрез, сказав, что небольшая прогулка пешком пойдет мне только на пользу.

Оказавшись на улице, я решила немного прогуляться. Недалеко был городской дендрарий, и я направилась в царство растений. Народу в начале рабочего дня было мало, и тишину парка нарушало лишь карканье кем-то потревоженных ворон.

Было начало октября, но погода стояла необыкновенно теплая, особенно для Среднего Урала. Деревья горели золотом и багрянцем, а на дорожках начал образовываться пестрый ковер из опадающих листьев. Я неторопливо прошла по главной аллее дендрария и села на скамейку, притаившуюся под старой, могучей елью. Тишина... Мысли замедляли бег и вскоре почти заснули...

– Не поможешь ли мне красавица? – сказал старческий, скрипучий голос над самым ухом. Я, вздрогнув, открыла глаза: передо мной стояла древняя, высохшая старушонка в черном шерстяном платье, лакированных туфлях и красной шляпке с неимоверно широкими полями, под которыми было трудно различить лицо говорящей. Она вопросительно смотрела на меня, опираясь на отполированную палку с костяным набалдашником.

– Да, конечно, если это в моих силах, – ответила я.

– Вот, голубушка, пришло мне письмецо, а я прочитать его-то и не могу – очки дома забыла, а без них никак не разберу.

– Хорошо. Где письмо? – старушка из крошечной, черной сумочки вынула сложенный вчетверо листок. Я взяла его, развернула и собралась читать, но тут заметила, что старушка все еще стоит.

– Бабушка, да Вы садитесь! Письмо-то длинное, устанете стоять.

– Скамейка, милая, не больно чистая, все платье перепачкаю!

– Ерунда! – сказала я и достала из своей сумки большой белый полиэтиленовый пакет, расстелила его на скамейке и предложила старушке на него сесть. Старушка согласилась. Я начала читать. Письмо было, видимо, написано он племянника старушки, поскольку начиналось оно со слов «Дорогая тетушка...». Далее племянник описывал свое путешествие по Франции и закончил письмо пожеланием тетушке всевозможных благ.

– Спасибо, Эллиночка, спасибо, что помогла! – сказала старушка, убирая письмо обратно в сумку.

– Откуда Вы узнали, как меня зовут? – удивилась я.

– Ох, Элина, я столько прожила на свете, что мне не трудно отгадать имя человека, даже того, кого впервые вижу! Да и не только имя! Вот ты Эллиночка очень добрая, нежная девочка. Не обижайся, что я тебя называю девочкой, хотя тебе уже тридцать три, но по сравнению со мной ты, в самом деле, маленькая девочка! Так вот, что я там говорила? Ах, да, что ты добрая, отзывчивая, умная и красивая... Я бы могла много рассказать тебе, что было и что будет, но не буду делать этого, поскольку книга интересна лишь тогда, когда ее чита-

ешь сам, а не услышал из уст другого. Я скажу тебе лишь фразу итальянского писателя Боккаччо, который говорил: «Часто случается, что человек считает счастье далеким от себя, а оно неслышными шагами уже пришло к нему. Но не только цитатой я отплачу тебе за твою доброту. В ближайшие три дня исполнится любое твоё желание, которое ты произнесешь вслух! Ну, а теперь до свидания! Да, да... Именно до свидания, потому что я чувствую, что мы с тобой ещё встретимся...» – с этими словами старушка встала со скамейки и медленно пошла по аллее. Я смотрела ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Было грустно. Я думала о том, что эта маленькая старушка, видимо, сходит потихоньку с ума от одиночества. Как же только она узнала моё имя? – подумала я и тут же с досады легонько стукнула себя по лбу. Ну конечно! Я забыла снять бейджик, на котором большими буквами было написано: ЭЛИНА ВЛАДИМИРОВНА. Значит, она его просто прочитала! Все понятно. Бедная старушка, она, наверное, воображает себя какой-нибудь прорицательницей, а может, доброй волшебницей, которая исполняет желания? Если бы она действительно ей была, то, наверное, Григорий оказался бы сейчас рядом со мной. Сердце стало биться чуть быстрее, а вдруг он и в правду появиться? Но шли минуты, а мой любимый не спешил материализоваться из пустоты. «Какая я стала глупая!» – с досадой подумала я. – «Все мечтаю и мечтаю! А вдруг... А если... Само собой ничего не случается! Чтобы что-то получилось нужно что-нибудь да сделать! А ты, кумушка, даже с мужем не отваживаешься развестись!» – разозлилась я на себя. Я поднялась со скамейки и свернула свой полиэтиленовый мешок. Положив его обратно в сумку, я отправилась на трамвайную остановку – у меня испортилось настроение, и гулять мне расхотелось. Трамвай подошел на удивление быстро, и я через пятьдесят минут была дома. Скинув туфли, я, не раздеваясь, повалилась на диван в гостиной и, устроившись поудобней, стала смотреть в окно, на проплывающие в небе облака. Незаметно для себя, я заснула. Проспав часа полтора, я с ужасом вскочила, подумав, что опоздала на работу. Уже около дверей я опомнилась и отправилась в спальню переодеться во что-нибудь более подходящее для дома. Сбросив костюм, и небрежно затолкав его в шкаф, я надела легкий домашний халатик и, почувствовав, что устала, села на мягкий стульчик перед своим туалетным столиком. Подперев голову рукой, я уставилась в зеркало: оттуда на меня хмуро глядела бледная женщина с тенями под глазами и распущенными длинными каштановыми волосами. Глаза, когда-то ярко-зеленые, как у кошки, сейчас потускнели и стали какого-то грязно-болотного цвета. «Эх, хотела бы я быть кошкой!» – сказала я вслух. – «Ходишь себе вся такая гибкая, пушистая! И забот-то – поймать мышь, да погулять с котом!» «Сиди, не сиди, а пора бы уже и пообедать, а то и в правду не смогу работать!» – подумала я про себя, встала, потянулась, и тут в ушах снова тоненько зазвенело, в глазах потемнело, и я почувствовала, что падаю. Дальше все поглотила тьма...

Глава 2

Сознание возвращалось постепенно. Сначала я услышала назойливое жужжание мухи, потом через чуть-чуть приоткрытые глаза я увидела луч солнца, и, наконец, открыла глаза. Надо мной возвышался мой туалетный столик.

– Что это еще за фокусы? – возмутилась я. – Падаю в обморок второй раз за день! Наверное, нужно показаться врачу! Надеюсь, я ничего себе не сломала при падении? Надо бы аккуратно подняться!

Не заметив как, я встала, по крайней мере, по ощущению я чувствовала, что стою, только вот... Пол почему-то был слишком близко. Даже если бы я стояла на четвереньках, он был бы несколько дальше. Я решила немедленно разобраться в чем дело, но тут... Несколько секунд я была в полном оцепенении, потому что вместо своей руки я видела... Да, я видела аккуратную пушистую дымчатого цвета кошачью лапку.

– Наверно я ударилась головой, когда падала и теперь у меня галлюцинации. Я закрыла глаза и потрясла головой. Открыла снова свои очи, вновь посмотрела на руки, вернее лапки, потому что они никуда не исчезли, а так и остались лапками.

– Нужно посмотреть на себя в зеркало, – подумала я, и даже, не задумываясь, легко вспрыгнула с пола прямо на туалетный столик. Из зеркала выглядывала на редкость прелестная кошечка: небольшая, пушистенькая, дымчатая с белой грудкой и ярко-изумрудными горящими глазами. Я подняла руку, кошечка в зеркале – лапку, я встала – кошка тоже поднялась на задние лапки. Похоже, все-таки, как это ни удивительно, но я превратилась в кошку. Только с чего бы это? Может, я оборотень? Хотя, они вроде бы превращаются в волков и осознают себя в волчьем облике не очень хорошо. Я же оставалась собой. Даже видела я все в цвете, хотя кошки видят в черно-белых тонах, если, конечно, верить моим знаниям, оставшимся со школьных уроков биологии. Может быть, это переселение душ? Наверно, падая, я так ударилась, что дух вон, а потом он переселился в кошку! Скорее всего, так и было! Хотя постойте! Где же тогда мое собственное тело? Ведь оно тогда должно быть здесь! Я оглядела комнату и не обнаружила никаких признаков собственного бездыханного тела. Да, переселение душ отпадает, а так это было бы прямо как в фильме «Женщина-кошка». Только в фильме Холи Бери все-таки осталась в своем соблазнительном теле, а я приобрела мохнатую шкурку. В чем же все-таки дело? Ну, конечно! Старушка же сказала, что в течение трех дней исполнится любое мое желание! А я же заявила, что хочу быть кошкой! Вот в чем дело! Это, конечно невероятно, но, видимо, чудеса все же случаются. Интересно, почему же тогда не исполнилось мое желание увидеть Григория? Наверное, потому, что я первое желание загадала про себя, а второе вслух? Скорее всего, свою роль сыграл именно этот факт. Как же мне превратиться обратно? Может, если я скажу, что вновь хочу быть самой собой, то опять стану человеком? Только вот, старушка говорила лишь об одном желании... Но все-таки стоит попробовать.

– Хочу снова стать человеком! – довольно решительно сказала я, но получилось. – Мя-аау, мяу, мяу! – Это еще, что такое! – возмутилась я вслух по поводу кошачьего мяуканья, – Мяу! Услышала я сердитое мяуканье. Все ясно! Кошки не говорят! Они только мяукают, теперь это суждено и мне. Я никому не смогу рассказать, что со мной случилось...

В этот момент я услышала, как кто-то открывает входную дверь! Ага! Это, наверное, муж! Только почему он так рано? Я спрыгнула с туалетного столика и спряталась под кровать. Муж не очень-то любил животных, и я боялась, что он тут же выставит меня из квартиры. Сначала нужно было придумать, как ему сказать, что кошка – это я. В голову пока ничего не приходило, поэтому я решила пока спрятаться. В это время в прихожую вошли, и я услышала женский голос:

– Ты уверен, что она не вернется раньше?

– Неужели воры? – подумала я, но тут же это предположение пришлось отбросить, потому что голос мужа ответил:

– Да, что ты! Чтобы она раньше времени ушла с работы? Скорее луна упадет на Землю, чем Эллина Владимировна уйдет раньше времени с работы! Проходи в гостиную, красавица моя!

– Мой муж привел домой любовницу! Какая наглость! Какая подлость! – Я вся кипела. Меня бесил даже на сам факт наличия любовницы, а его ложь и моя глупость. Я, глупая, не хотела подавать на развод, думая, что он меня любит, боясь причинить ему боль! Отказываясь, может быть, от своего счастья с тем, кого по-настоящему люблю! Идиотка! Но и он подлец! Сейчас он у меня получит! Забыв о своем кошачьем облике, я пулей вылетела из под дивана. Ворвавшись в гостиную, я с разбегу набросилась на своего ничего не подозревающего муженька, который в обнимку со своей любовницей сидел на диване. Я вскочила ему на грудь, вцепилась в лицо, сразу же расцарапав до крови. Через мгновение муж опомнился и отбросил меня в угол комнаты, но я вновь кинулась на него, вцепившись в ногу.

– Это еще, что за тварь? Дура – Эллинка опять кого-то подобрала на улице!

За дуру он лишился приличного куска кожи на лодыжке. Муженек взвыл. От своего торжества я потеряла бдительность, и он, изловчившись, схватил меня за шиворот.

– Вот, тварюга! Точно бешеная! Придется делать уколы! Ну, щас, киса, я от тебя избавлюсь! – и, держа меня на вытянутой руке, вынес меня на балкон. Я шипела, изворачивалась всем телом, но никак не могла зацепиться за его руку. Мой же муж, открыв другой рукой створку застекленной лоджии, выбросил меня, как ненужную меховую тряпку за балкон...

Глава 3

Передо мной поминутно мелькало то голубое небо, то асфальт. Я никак не могла выйти из этого бешеного вращения и с ужасом думала, что будет, если я приземлюсь не на лапы, а на спину. Хотя и говорят, что у кошек девять жизней, но я-то была не совсем кошка! Последний виток... Бам... Я упала на что-то сравнительно мягкое. Вот повезло! Оказывается, под наши окна подъехал фургон с брезентовым тентом вместо крыши. Некоторое время я сидела неподвижно, стараясь прийти в себя после головокружительного аттракциона. А когда уже собралась слезть с крыши, фургон тронулся с места.

Прыгать с машины на полном ходу я не рискнула и поэтому, покрепче вцепившись когтями в брезент, с интересом наблюдала по сторонам. Наконец, машина заехала в какой-то двор и остановилась около склада какого-то магазина. Воспользовавшись этой остановкой, я прыгнула вниз. Не успела я оглядеться по сторонам, как услышала злобный лай. Обернувшись, я увидела, как прямо на меня, брызжа слюной, несется огромный ротвейлер. Через секунду я уже неслась через двор, а за мной по пятам бежал черный монстр. Деревьев во дворе, к несчастью, не было. И самое ужасное – двор был непроходной. Я забежала в угол – путь к отступлению был отрезан. Оставалось два выхода – либо покориться судьбе и ждать, когда меня разорвет злобное животное... Или самой перейти в наступление, и если уж погибнуть, то героически, вырвав пару клочков у кровожадной псины. Я предпочла второе. Когда ротвейлер уже с удовольствием собрался тяпнуть меня за хвост, я молниеносно обернулась, прыгнула собаке на голову и стала драть когтями толстую шкуру. Пес, не ожидавший от жертвы такой прыти, заскулил, пытаясь безуспешно меня сбросить. Сообразив, что он уже получил свое, я спрыгнула с псины и неторопливо побежала прочь. Ротвейлер затрусил в другую сторону. И, если бы у него был бы хвост, то он наверняка был бы поджат. Это была первая драка в моей жизни, и она окончилась победой! Силы были явно неравны, но я победила! Это происшествие придало мне уверенности в себе. Я, раздуваясь от гордости, бежала, не замечая дороги, и тут же поплатилась за свою невнимательность: небольшой камень больно ударил меня в бок.

Раздалось торжествующее хихиканье:

– Ура! Попал! – это был мальчишка лет десяти, и он явно собирался продолжить свои метательные упражнения, так как нагнулся за очередным камнем. Нужно было смываться, причем немедленно. Я немного пришла в себя после удара и только собралась удрать подальше от маленького живодера, как меня кто-то схватил рукой под животик, и я увидела, как удаляется асфальт. Я снова приготовилась обороняться и уже выпустила когти, но тут услышала:

– Не бойся, киса, я не отдам тебя этому придурку! – это было сказано мне. – А ты, Петька, лучше иди из нашего двора! – моему обидчику. – А не-то будет, что и в прошлый раз!

Видимо, этот Петька еще очень хорошо помнил прошлый раз, поскольку, что-то ворча себе под нос, быстренько ретировался.

Мальчик, спасший меня, сел со мной на скамейку и стал гладить по шерстке. Он гладил очень осторожно, бережно, и я, как не трудно в это поверить, замурлыкала! Да, да! Я сидела на коленях этого мальчика и урчала.

– Какая ты красивая! Знаешь, киса, возьму-ка я тебя домой! – с этими словами он встал и направился к ближайшему подъезду девятиэтажного дома. Мы на лифте поднялись на пятый этаж и мальчик, остановившись около красивой железной двери, обитой деревянной реей, позвонил. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина лет тридцати пяти в коротком шелковом фиолетовом халатике.

– Мам, смотри, кого я нашел! – радостно сообщил мальчуган и протянул меня матери. Та, к моему удивлению, не стала говорить: «Фу, убери от меня эту гадость!» А взяла на руки, погладила и сказала:

– Какая красавица! Да и чистюля невероятная! Скорее всего, она была домашняя, но потерялась. Ну что, оставим ее? – обратилась она к сыну.

– Ага! Мне бы хотелось! Я даже имя для нее придумал – Дымка.

– Вот и хорошо! Приготовь ей постель и поставь на кухне чашки, а я организую ей туалет.

Только этого мне не хватало! Организуют мне туалет! Я вспомнила, как когда-то давно, когда у меня была кошка, я учила ее к вышеуказанному заведению. Мне совершенно не улыбалось, чтоб меня тыкали носом в какую-нибудь чашку, поэтому я стала действовать сама. Быстро подойдя к двери, которая напоминала дверь в ванну или в туалет, я остановилась, и начала громко мяукать, привлекая к себе внимание.

– Мам, смотри-ка, она, кажется, просится в туалет! – Удивился мальчик, которого, как мне стало известно, звали Жень.

– Давай откроем ей дверь и посмотрим, что будет. – Предложила женщина. С этими словами она открыла мне дверь, за которой и оказалось нужное мне заведение. Я с уверенностью запрыгнула на белоснежный унитаз и, сгорая от стыда, сделала все свои дела. После чего нажала имеющуюся на бачке кнопку и, услышав шум льющейся воды, прыгнула вниз.

– Ах ты, умница! – запричитала мама Жени. – Точно, она была домашняя! Жалко будет, если мы однажды увидим объявление от ее хозяев! Я уже к ней привыкла и совсем не хочется расставаться. Ладно, не будем говорить о грустном! Иди, Жень, покажи Дымке квартиру и ее постельку, а я пойду к соседке за Вискасом.

Вискас! Какой ужас! Хотя я и стала кошкой, мои вкусы совершенно не изменились. Есть эту кошачью еду совершенно не хотелось.

– Ладно, что-нибудь придумаю. – Успокоила я себя и отправилась за Женей осматривать квартиру, которая, кстати сказать, имела весьма внушительные размеры. Видимо, она была переделана из двух находящихся рядом квартир. Всего было шесть комнат: спальня родителей, комната мальчика, гостиная, кабинет отца, тренажерный зал и что-то вроде маленькой оранжереи. Все комнаты были обставлены очень изысканно. Несомненно, здесь потрудился весьма талантливый дизайнер. Моя корзинка стояла рядом с кроватью Жени. Лида (мама Жени) уже успела положить в корзинку мягкую подушечку, которую застелила белоснежной простынькой.

– Вот! Здесь ты будешь спать. Можешь ходить по всей квартире, только сама понимаешь – обои и мебель драть нельзя. В маминой оранжерее цветы не объедать и землю из горшков не выбрасывать, а так можно все!

В это время вернулась Лида с пакетиком Вискаса.

– Смотри, Дымка, какую я тебе вкуснятину принесла! – сказала она, помахав кошачьей едой от одного вида которой меня замутило.

– Неужели придется, есть эту гадость? Нет! Ни за что! Как же сказать, что это я не ем? – размышляла я по дороге на кухню. В огромной светлой кухне, все стены которой завоевал ярко-зеленый выюнок, на полу стояло несколько стеклянных чашек, явно предназначенных для меня. Лида отрезала край от пакетика с Вискасом и вывалила кашицеобразное содержимое в одну из тарелок. Я подошла, понюхала на всякий случай – не вдохновило. И тут я вспомнила, как моя кошка показывала мне, что эту еду, она есть отказывается. Я повернулась к тарелке хвостом и начала активно загребать лапкой свой обед.

– Мам, кажется, ей не понравилось!

– Странно, а у соседки кошка от него просто без ума! Валя говорит, что у нее кошка так и вертится около шкафа, где у нее пакетики хранятся. Хотя, с другой стороны такая умная кошка, как у нас, вполне может понять, что это не столь уж полезно, как вещает реклама.

– Чем же мы ее будем кормить? – озабоченно спросил Жень.

– А мы у нее спросим. – Ответила Лида и обратилась ко мне. – Ну, что же Дымка, ты тогда предпочитаешь.

– Замечательно! Все-таки, даже не умея говорить, с умными людьми всегда можно найти общий язык, – удовлетворенно подумала я и уверенно направилась к холодильнику.

– Мяу! – заявила я. – Что означало: открывайте!

– Мам, она просит открыть холодильник!! – удивился мальчик.

– Умная, кисонька! – умилилась Лида, открывая мне нижнюю камеру, забитую продуктами.

Я быстренько пробежалась глазами по полкам и остановила свой выбор на поджаристых котлетах, оставшихся, видимо после обеда, открытой банке кукурузы и пирожном с белковым кремом. Потом я минут пять объясняла, что я именно хочу получить на обед. В конце концов, меня поняли, и я с наслаждением съела выбранную мной пищу.

– Ну, что ж, так даже проще. Она ест то же, что и мы. Не нужно специально готовить или покупать. – Удовлетворенно сказала Лида. – А теперь, дай нашей барышне отдохнуть, она, небось, с ног валиться от усталости. Иди, положи ее в корзинку, пусть выспится.

Женя взял меня на руки и, принеся в свою комнату, бережно положил в корзинку. Подушка была необычайно мягка, а простыня пахла весенней свежестью. Я удобно свернулась калачиком, закрыла нос своим пушистым хвостом, который почему-то пах карамелью и улета на крыльях сна в неведомую страну, в которой я была счастлива с Григорием...

– Смотри, она красивая, правда, пап? – услышала я сквозь сон Женин голос.

– Да, сынок, но даже не в красоте дело. Если она и в правду такая умная, как ты сказал, то это просто находка, а не кошка! Нам необычайно повезло!

Я открыла глаза и увидела склонившегося над моей корзинкой мужчину лет сорока – полного, розовощекого с белокурыми волосами, которые смешно завивались на концах.

– Ага! Это Женин папа. – Поняла я. – Очень мил. Явно не вредный, понимающий юмор субъект. Пожалуй, Жене необычайно повезло с родителями.

– Проснулась! – обрадовался папа, увидев, что я открыла глаза, будем знакомы. – Я – Виктор Степанович, а ты – Дымка. – С этими словами он протянул мне руку. Я вложила свою лапку в его небольшую мягкую руку, и он ее слегка сжал.

– Потрясающая кошка! – восхитился он. – Может, она сбежала из цирка? Тогда можно объяснить, почему она такая ученая.

– Пап, нам придется ее отдать? – расстроено спросил Женя.

– Если увидим где-нибудь объявление о том, что ее кто-нибудь ищет, то конечно, ничего не поделаешь, а так пусть живет у нас.

Женя явно расстроился.

– Глупенький, – подумала я. – Никто не будет искать кошку Дымку. Если и будут, то только некую Эллину Владимировну и то, пожалуй, не скоро...

Так я и стала, хоть и ненадолго, членом семьи Фиркиных...

Глава 4

Динь, динь, динь, дззззз... Ужасно! Что это? Будильник? Но я не пользуюсь им с тех пор, как покинул мрачные стены Уральского государственного склепа, то есть университета. Не знаю уж, почему такое название пришло мне в голову, но как только на первом курсе я увидел здание, в котором мне придется провести ближайшие пять лет, так сразу возникло название «Уральский государственный склеп». Так я и называл свое место учебы до момента получения красного диплома. И родители совсем не удивлялись, когда рано утром, я швырял будильник на пол и стонал:

– О, Боже! Опять в склеп! Скоро я стану ученой мумией!

К моему огромному счастью – не стал. В свои тридцать четыре я выглядел весьма неплохо – спортивное телосложение, ни одной жировой молекулы, сплошь – мускульные волокна.

Дззз... – опять! Телефон? Нет. У меня весьма мелодичный звонок, а тут просто какая-то бор машина. Что же это? Вспомнил! Дверной звонок! Вот напасть! Ко мне так редко ходят, что я даже забыл его звучание. Кого это принесло в такую рань? Еще и семи часов, наверное, нет. Я медленно сполз на пол и на ощупь поплелся к двери, безуспешно стараясь разлепить веки, которые свинцовыми жалюзи намертво закрывали глаза, не пропуская ни кванта света. Добравшись до двери, я даже не спросил, кто там, свято веруя, что бандиты ходят или по ночам, или днем, но никак ни утром, когда во всех квартирах народу, как муравьев в муравейнике. Тем более бандиты так оглушительно не звонят. Распахнув настежь дверь, я выглянул в коридор и сквозь узенькие щелки глаз, которые я с неимоверным трудом смог разлепить, увидел сначала нечто напоминающее грязно-цветастый тюрбан и грязно-седые волосы, намотанные на бигуди. Потом пред моими, еще не совсем проснувшимися очами, предстал серый фланелевый халат, поверх которого красовался малиновый клеенчатый фартук. Из под халата выглядывали синие спортивные штаны, а на ногах – сильно потертые тапки, которые уже не первый год просились на помойку. Из этого одеяния, которое довершалось очками с невероятно толстыми линзами на меня взирала старушенция лет семидесяти. В руках у нее была большая грязная кастрюля.

Я не нашелся, что сказать и лишь недоуменно уставился на неожиданную гостью. Она начала первая:

– Здравствуйте! Я Ваша соседка снизу. Не взгляните, у меня суп не прокис? – спросила она и сунула мне под нос свою кастрюлю, в которой на дне, к моему удивлению, плескался вполне приличный суп.

– Ага! Соседка снизу! Наверное, эта та старуха, помешанная на здоровье и постоянно донимающая соседей разными бредовыми просьбами. Одни более вежливые, я слышал, уже не открывали ей дверь, а другие – откровенно посылали за «тридевять земель». Надо же уже сюда добралась! – подумал я про себя, а вслух – Да нет, вовсе не прокис, очень аппетитно пахнет.

– Значит, не прокис! – просияла соседка. – А я все, думаю, прокис или нет, думаю, дай-ка кого-нибудь спрошу.

– Все в порядке, можете спокойно есть. – Успокоил я старушенцию, намереваясь уже захлопнуть дверь, но не тут-то было.

– Знаете, что-то у меня нынче еще зуб побаливает, взгляните-ка уж не дыра ли там, вдруг, как там его, кариус! – обратилась она ко мне и, недолго думая, широко распахнула рот. Меня обдало невероятным зловонием. Перед глазами на мгновение пошли желтые и зеленые пятна. Отшатнувшись от источника смрада и немного придя в себя, я пролепетал:

– Дыры, я не заметил, но на всякий случай, покажитесь к стоматологу, с зубами лучше не шутить.

– К зубодеру пойти говорите? Терпеть их не могу, да, видно ничего не поделаешь, придется идти...

Стоматологов я тоже люто ненавижу, и поэтому мне стало даже немного жаль надоедливую соседку. Выдавив из себя улыбку, больше похожую на гримасу, я попытался ее утешить:

– Сейчас у них новые технологии, сделают укольчик, Вы ничего и не почувствуете!

– Да... Надо бы сходить... Кстати, об укольчиках! – встрепенулась бабуся. На днях мне поставили тут один, а у меня из-за него, кажись, чирей вылез. Не посмотрите?

– Нет-нет! Мне нужно срочно идти! – Пискнул я от испуга и захлопнул перед носом старушечьи двери.

Запратав радиозвонок в шапку, а головной убор на самую верхнюю полку шкафа, я поплелся в ванную комнату. Голова раскалывалась на части от невыносимой боли, зарождающейся где-то в глубине каждой из пяти миллиардов нервных клеток, а затем сливаясь в мощный единый шквал, обрушивающийся на меня миллионами невидимых иголок.

– Наверное, так и выглядит похмелье, – подумал я, ни разу за все свои годы не испытывавший оно. – А все из-за вчерашнего дня! Целый день без Эллы! Она, бедняжка, упала в обморок, от усталости и ее пришлось отпустить. Давно уже пора отправить ее в отпуск. Она, как пришла полтора года назад, так и работает, практически без выходных, иногда даже в воскресенье приходит. Но не могу я отпустить Эллу, не могу и все! Целый месяц не видеть ее очаровательной, доброй улыбки, таких милых зеленых глаз, которые манят за собой куда-то далеко-далеко... Туда, где небо безоблачно, а солнце ярко светит! Туда, где не бывает туч, а если и пройдет дождь, то сразу же появится сияющая радуга!

– Эх, что-то меня на романтику потянуло... Да как не потянет, если ты влюблен, как мальчишка, хотя я вроде бы и вышел давно из этого возраста. Ладно, если бы я был каким-нибудь музыкантом или поэтом, им еще можно, а мне-то солидному человеку! Просто непросто. – Печально думал я, отчаянно плеская в лицо ледяную воду.

Влюблен! Как сейчас помню нашу первую встречу. В тот день дождь с самого утра лил как из ведра. Хотя скорее, как из пожарного гидранта. Небесная вода, совместными усилиями с ветром развлекались, сбивая прохожих с ног, обдавая несчастных представителей вида *Homo sapiens* брызгами грязи, вырывая и выворачивая наизнанку зонтики. Злость поселилась во мне, как только я спустил ногу с кровати. В пятку немедленно воткнулась неизвестно как сюда попавшая канцелярская кнопка. Я с диким воплем повалился обратно в кровать, на чем свет, ругая Киришу (своего пятилетнего племянника), поскольку подозревал, что это его маленьких рученок дело. Ничтожный металл просверлил в моей пятке приличную дырку и будь я Ахиллесом, непременно бы отдал душу тому, кто безраздельно царствует где-то посреди серебряных облаков. Но, к моему счастью, я не был прославленным греческим героем, поэтому залил рану йодом, а потом, залепив пластырем, прихрамывая, отправился на работу.

По дороге ждала другая неприятность. На тойоте я въехал в огромную лужу, коварно скрывающую собой яму, из которой машина, напрягая все свои лошадиные силы, не могла выбраться. Пришлось выбираться под ледяные струи прямо по щиколотку в грязно-желтую жижу, останавливать первый попавшийся грузовичок, а в довершении всего еще возиться с прицепкой. В конце концов, когда я, наконец, выбрался на ровный асфальт, на мне не было ни клочка сухой, чистой одежды. Возвращаться домой не хотелось, поэтому в офисе я предстал в далеко не приглядном виде. Единственное, что радовало, так это то, что в шкафу я обнаружил старый спортивный костюм. Он хоть и был не первой свежести, зато сухой. Только я успел переодеться и удобно устроиться в кресло, мечтая спокойно выпить чашечку кофе, приготовленную собственными руками. Секретарша недавно уволилась но тут в дверь весьма настойчиво постучали.

– Вот проклятье! Не дадут ни минуты покоя! – Выругался я про себя, а вслух сказал:

– Заходите!

Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появилось чудесное видение – женщина в небесно-голубом костюме, изящно подчеркивающим ее тонкую талию, женственные, округлые бедра и высокую грудь. Темно-каштановые волосы аккуратно собраны в тяжелый узел на затылке. В руке – темно-синий зонтик-трость, с которого ручейком стекает вода. Несмотря на ужасающий хаос на улице она спокойна, на лице милая, застенчивая улыбка, и что самое странное ни на одежде, ни на элегантных туфельках, на высоченных шпильках не было ни капли, нет, я даже уверен ни молекулы грязи.

– Могу я войти, Вы свободны? – спросила незнакомка мелодичным голосом.

– Да, да, проходите, присаживайтесь! – на одном дыхании пролепетал я.

Незнакомка неторопливо прошла через комнату, села на стул, расположенный сбоку от моего стола, поставила свой зонтик рядом, посмотрела на меня огромными темно-зелеными, цвета свежей хвои глазами и сказала:

– В отделе кадров мне сказали, что Вам требуется секретарь, и направили к Вам Григорий Александрович.

Я вздрогнул, когда она назвала меня по имени, но потом понял, что мое имя ей сообщили все в том же отделе кадров.

– Да, мне срочно нужен секретарь, без него я просто как без рук. Думаю, что Вы мне идеально подходите... – Затараторил я, боясь, что незнакомка сейчас же растворится в воздухе.

– Должна Вас предупредить, что, к сожалению, у меня нет опыта работы в этой должности. Я восемь лет проработала в НИИ научным сотрудником.

– Ничего страшного! – поспешно заверил я. – Опыт Вы быстро приобретете. Наша фирма будет очень горда тем, что ее секретарь – научный сотрудник.

Когда Вы можете приступить к работе?

– Думаю, с завтрашнего дня.

– Отлично, а сейчас идите в отдел кадров, оформляйтесь.

Незнакомка легко встала, забрала свой зонтик и легкой походкой направилась к двери. Я зачарованно смотрел ей вслед. Лишь когда она уже взялась за дверную ручку, и до меня донесся ее звонкий, как колокольчик голос: «До свиданья!», я очнулся:

– До свиданья. Простите, как же Вас зовут?

– Эллина... Эллина Владимировна... – ответила она и скрылась за тяжелой дубовой дверью, которой я еще недавно так гордился, а теперь бы предпочел, чтобы на ее месте было бы простенькое стекло или вообще ничего, тогда бы я смог любоваться прекрасной Эллиной еще несколько мгновений...

С тех пор я вижу ее каждый день, за исключением ненавистных выходных. Наше общение сугубо деловое, мы ни разу не заговорили о чем-то кроме работы, ни разу не сходили вместе пообедать в кафе, ни разу не проводил я ее до остановки, хотя порой так хотелось ей предложить прогуляться по улицам, посмотреть зимой на закат... Но это невозможно, потому что у нее есть МУЖ... И что самое ужасное, она его, кажется, любит. Пару раз я видел, как к ней клеился наш красавчик из юридического отдела – Юрка. Перед ним еще никто не устоял, а Эллина вежливо, но твердо пресекла всякие поползновения с его стороны, заявив, что любит мужа. Ох, уж этот муж! Сколько раз я мечтал, что он объестся груш, арбузов или еще чего-нибудь там. Знаю, что это плохо, но ведь счастья хочется всем! Только мне оно явно не светит, если уж даже Юрке не повезло, то мне, как говорится и нос совать нечего...

Вот так и проходила жизнь, утекая в никуда. Я медленно старел, оставаясь старым холостяком. А тут еще маменька пристала – женись, да женись. Видите ли, все детки у нее пристроены. Я только один не пристроен.

Вот и вчера замучила до мигрени. Прихожу домой весь разбитый, уставший, без Эллинки – все из рук валится. Только завалился на диван, сотовый зазвенел.

– Гришенька! Встречай гостей! Мы пришли. Около двери стоим. – Приторно-сладкий голосок мамыши.

– Ага! Уже иду! – проворчал я в трубку и поплелся к двери.

Открыв двери, я увидел двух особ женского пола, одна из которых была моя мамаша, а другая – крашеная блондинка лет двадцати, с небольшим хвостиком.

– Гришуня! – восторженно воскликнула мамаша и перепачкала мне щеки ярко-красной помадой. – Сегодня меня проведать зашла

Клавочка – дочка моей подружки – никогда не забывает, всегда найдет минутку забежать, а я к тебе как раз собиралась. Ну, думаю, пойдем вместе навестим Гришеньку, составим ему вечером компанию. – Тараторила маменька, пока я помогал дамам снять плащи и повесить их на вешалку.

– Так ты знаком с Клавочкой? – пропела мама.

– К сожалению, не довелось, – без всякого сожаления ответил я.

– Клавочка. Мой сын Гриша. – Официально произнесла мамочка. – Теперь вы знакомы. Мы с Клавой пока пойдем в гостиную, а ты приготовь нам, пожалуйста, чай. – Мама пропустила блондинку вперед, а сама схватила меня за шиворот, подтянула мое ухо поближе к своему рту и зловеще, как гремучая змея, зашипела:

– Иди, переоденься, бесстыдник!

Я, весь, дрожа от гнева, пошел в свою комнату. Мало того, что мамаша притащила в дом очередную невесту, так я еще должен встречать ее чуть ли не во фраке. И чем ей только не понравилась моя футболка и старые, но очень удобные джинсы. Нет, так нельзя! Сколько раз я ей уже говорил, что сам буду заниматься выбором своей второй половины, нет ведь, все не уgomониться! Я отобью у нее охоту совать нос не в свои дела! Если нечего делать, так пусть сидит с внуками, которых у нее и так уже трое (от старших брата и сестры), или едет путешествовать. Я готов купить ей путевку даже в Антарктиду! – распалялся я еще больше.

– Она хочет, чтобы я переоделся? Отлично! Сейчас я переоденусь! – проворчал я, распахивая шкаф. Из его недр я вытащил красные шаровары, в которых когда-то давно ходил на маскарад, зеленую рубашку и старую соломенную шляпу, оставшуюся тоже от какого-то увеселительного мероприятия. Нацепив, на себя сей странный наряд, я прошел на кухню, заварил чай, поставил на поднос чайник, три чашки, блюдец с печеньем и отправился к гостям.

Увидев меня на пороге комнаты, мамочка сначала громко хрюкнула, потом ее лицо исказила гримаса, и я думал, что сейчас она разразится потоком брани, но я недооценил ее выдержку. Нервно дернув головой, она расплылась в улыбке:

– А вот и Гришенька. Садись, дорогой.

Я поставил поднос на маленький столик, подтянул к нему кресло, со всего размаху плюхнулся в него, а потом еще минуту подпрыгивал на мягких подушках под уничтожающим взглядом мамыши. От души напрыгавшись, я широко улыбнулся Клаве, вернее сказать оскалился, махнул рукой в сторону стола и развязно сказал:

– Угощайтесь, дамочки!

Клавочка смотрела на меня, широко распахнув голубые глазки и приоткрыв красненький, как вишенка ротик. Потом она, видимо, оправилась от удивления и сказала, обращаясь, скорее всего, ко мне:

– Сегодня очень х-хорошая погода.

– Отвратительная. – Отрезал я. – Желательно снег с дождем.

Не ожидая такого ответа, она заморгала глазами и замолчала, не зная, что еще сказать. Мама, казалось, сейчас лопнет, от распирающего ее гнева. Я шутиливо схватил диванную подушку, прикрылся ею, а потом игриво спросил:

– Может, сыграем в подушечный бой? Так уж и быть, я играю за двоих...

Это была последняя капля. Клава посмотрела на часы и залепетала:

– Ой, мне пора идти... Мне нужно еще э... В... К массажисту. – Довольно уверенно закончила она и решительно встала.

– Как жаль, – фальшиво произнес я, откидывая обратно подушку. – Заглядывайте как-нибудь еще, сыграем в подушечные бои или в чехарду.

– Да, может быть, в другой раз. – Сказала Клабочка и направилась к выходу. Я пошел за ней. Помог надеть ей плащ, открыл дверь и со стуком захлопнул. Вернувшись в комнату, я застал маменьку, которая от злости носилась из угла в угол. Когда я вошел, она проворно подбежала ко мне, и больно ущипнула за ухо, а потом неприятно визгливым голосом заверещала громче, чем пожарная сирена:

– Гадкий мальчишка! Ты специально меня изводишь? – и не дожидаясь ответа продолжила... – Тебе скоро тридцать пять, а ты еще все не женат! Чего ты ждешь? Если сам не можешь найти приличной девушки, доверился бы маме! Сколько прекрасных девушек я к тебе приводила! И что? Один результат! А сегодня я чуть со стыда не сгорела! Что это был за балаган? Зачем ты из себя дурачка корчишь, мерзавец! – воскликнула мамочка, схватила лежащий на столике журнал и начала меня пребольно колотить по спине.

– Мам, ты решила меня убить? – смеясь, спросил я, закрывая от ударов лицо. – А после сегодняшнего балагана у тебя не будет ни охоты, ни возможности водить ко мне жаждущих знакомства девиц. Теперь все будут думать, что ты хочешь пристроить сына-полудурка. – Хихикнул я, хотя мне было не до смеха. Мамочка смертельно обиделась и отправилась восвояси. Я, наконец-то улегся на диван, чувствуя нарастающую головную боль. Мне было до ужаса жалко мамочку, которая, несомненно, хотела мне только добра, но я не мог представить, как ей объяснить, что я безнадежно влюблен в замужнюю женщину и кроме нее мне никто не нужен.

– Так, наверное, и останусь навсегда холостяком. – Грустно подумал я, завернувшись в теплый мохнатый плед и погрузился в беспокойный, тревожный сон. А сегодня проснулся с ужасной головной болью.

В ванне я включил холодную воду, разделся и залез под душ. Тело словно бы обожгло, но зато боль отступила, забила куда-то в дальний уголок и почти исчезла. Довольный я быстро позавтракал горячим чаем со слоеными пирожками и помчался на работу в надежде поскорее встретиться с Эллиной.

К моему удивлению, когда я пришел в пятнадцать минут десятого, в приемной ее не было. Не видно было даже следов ее пребывания. Странно, подумал я. Может быть, пробка, или трамваи где-нибудь стоят, она ведь, кажется, на них ездит. Ничего, скоро приедет, успокоил я себя и отправился в кабинет разбирать накопившиеся бумаги. Но работа никак не продвигалась. Мне совершенно не удавалось сосредоточиться. Названия договоров, контрактов, писем расплывались, смысл убежал, словно юркая змейка среди камней, а где-то в сердце кто-то тихонько зудел:

– С Эллиной беда, беда, беда...

– Нет, так просто не возможно работать! – взорвался я и бросил толстенную папку в угол. Та, похожая на большую черную ворону пролетела через кабинет и, врезавшись в стену, свалилась на пол, распластав черные створки-крылья.

Я взглянул на часы – мерзкие стрелки стояли на отметке – двенадцать дня. А вдруг, она пришла? Может, я не заметил? Стремительно выскочив из-за стола, я выглянул в приемную: так же пусто и сиротливо. Я не вытерпел, зашел в соседнюю комнату:

– Эллину Владимировну никто сегодня не видел, она не вышла на работу.

– Наверное, проспала, – раздался ехидный голос. Я, даже не удосужившись взглянуть на его обладателя, ушел, хлопнув дверью. (Как бы это у меня не вошло в привычку).

– Что же делать? Наверное, она заболела. Вчера даже в обморок упала. Я – глупец, идиот! Нужно было самому довести ее до дома, а еще лучше к врачу. Что же делать? – лихорадочно размышлял я, бегая вокруг своего стола. – Надо ей позвонить! – придумал я, по памяти впер-

вые набирая ее номер телефона. Сколько раз я хотел это сделать, сколько раз по вечерам я набирал первые шесть цифр, не решался набрать последнюю! Теперь же я набрал ее номер весьма уверенно – был повод. В трубке потянулись длинные гудки: один, второй, третий, четвертый... По правилам этикета нужно ждать не более пяти гудков. Пятый... К черту этикет! Десятый... Тринадцатый... Надежда тает, как снег на ярком весеннем солнце. Медленно кладу трубку. На сердце – камень, вернее его поместили в тесную гранитную камеру и сжимают со всех сторон.

– Спокойствие, только спокойствие. – Пришла мне в голову мысль. – Кто это говорил? Достоевский? Горький? Нет!.. Совсем крыша уезжает. Это же Карлсон! – Воспоминание о Карлсоне меня немножко взбодрило. Сердце стало биться ровнее, дыхание тоже восстановилось. Нужно не паниковать, а действовать. Сначала, пожалуй, съездить к ней домой. Отлично!

– Василий! Сегодня меня не будет! – крикнул я своему заместителю и улетел, ничего не объяснив.

Дом, где жила Эллина я тоже видел, наверное, сто, а может и больше раз. Часто по вечерам я подъезжал к ее подъезду, вставал где-нибудь подальше, чтобы она меня не заметила (хотя и ездил в другой машине, а не в той, в которой езжу обычно на работу) и долго-долго смотрел на ее окна. (Однажды я увидел, как она вышла на балкон). Иногда вечером, она выходила в магазин, или гулять с мужем, и я, увидев ее еще раз, уезжал домой. Сегодня у меня есть право туда подняться. Так, внизу домофон. Набираю: квартира двадцать пять. Гудков нет. Значит, трубку они не провели. Ну, что ж, подожду кого-нибудь. К счастью, ждать, долго не пришлось. Минуты через три из двери выкатился толстенький мальчик с огромным догом. Я, осторожно обошел псину, и взлетел на нужный этаж, не дожидаясь лифта. Вот она заветная квартира – двадцать пять! Нажимаю звонок – тишина... Потом где-то в глубине – шуршание, шлепанье, сердитый, ворчливый голос:

– И кто там прется?

Испуганный, женский:

– Ой, а вдруг она?

– Не может быть, красавица. Она, небось, в командировку, какую укатила, вчера ведь ее так и не было. А вообще, накинь что-нибудь на себя, если что ты моя троюродная сестра из Владивостока. Эллинка дура – поверит.

Услышав этот разговор, который был слышан из-за двери так же хорошо, если бы я находился с ними в одной комнате, я позеленел.

– Мерзавец! Жена не была всю ночь дома, а он даже не волнуется! Даже не позвонил на работу! А любовницу притащил! Я идиот, думал, что они счастливы, не хотел портить семейную жизнь, стороной обходил свою любовь, а он вот как!

– Кто там? – подозрительно спросили из-за двери.

– Сантехник, у Вас кран течет. Соседи снизу вызвали. – Соврал я.

Дверь открылась. Передо мной стоял блондин среднего роста с ярким румянцем на щеках и намечающимся брюшком под синей пижамой.

– Вы Сергей? – строго спросил я. (Так звали мужа Эллины).

– Да. А Вы все-таки кто? – спросил он, подозрительно оглядывая белоснежную рубашку и темно-синий, отглаженный костюм.

– Сантехник, – еще раз повторил я и двинул Эллиному муженьку в челюсть. – Вычищаю подлость. – Процедил сквозь зубы я, валяющемуся на коврике перед дверью мужчине и ушел прочь.

Остаток дня я обзванивал ее друзей, которых смог найти, ее родителей, проживающих в Волгограде. Правда, я не стал их раньше времени пугать и сказал, что я Эллинин давний знакомый из Москвы собираюсь быть проездом в Волгограде, может Эллина в ближайшее время навестит родителей? Нет, они сказали, что раньше следующего года она к ним не собиралась.

Потом звонил по всем больницам. И напоследок, с замирающим сердцем – по моргам. Эллины нигде не было. Она, как сквозь землю провалилась. Около десяти вечера я отправился в милицию, но там сказали ждать трое суток. Тогда на следующий день я пошел в одну из местных газетенок и дал объявление о пропаже мой любимой. Больше делать было нечего. Оставалось только какое-то время ждать, а потом приниматься снова за поиски.

Что же с ней могло случиться? Она могла потерять сознание на улице, но тогда бы ее отвезли бы в больницу. Может, она потеряла память и сейчас где-нибудь ходит. Приходили и совсем бредовые идеи, как похищение инопланетянами. В общем, пока исчезновение Эллины было полнейшей загадкой, но я твердо решил ее найти, потому что теперь у меня появилась надежда на счастье...

Глава 5

Утро в семье Фиркиных начиналось с совместного завтрака. Все семейство, в том числе и я, собиралось на кухне ровно в семь часов утра. Завтрак занимал минут двадцать, а потом глава семейства отправлялся на работу (насколько я поняла, он был не то нотариусом, не то адвокатом), Лида шла в свою оранжерею, в которой разводила цветы и сдавала их в цветочный магазинчик, а мы с Женей бежали в школу. Обычно я провожала его до дверей, а потом шла обратно, но один раз я побывала с ним на уроках.

Однажды Женя вечером зачитался книжкой о космосе и с ужасом понял, что совсем не подготовился к завтрашнему тесту по биологии. С утра он был хмурый, предчувствуя двойку. Пара была для него катастрофой. Еще бы! Ведь он был круглым отличником! В это утро я не убежала, как обычно, от дверей школы домой, а уверенно пошла за ним.

– Дымка! Ты со мной? Хочешь посмотреть на мой позор? Ну что ж, пошли! – грустно сказал он.

Как назло? первым и была эта биология. Поскольку человек в классе было всего пятнадцать, то каждый ученик занял индивидуальную парту. Учительница скорее похожая на жандарма в юбке, чем на носительницу просвещения. Как ни странно, но она лишь сурово поглядела на меня сквозь толстые линзы очков и неприязненно спросила у Жени:

– А это еще что такое? – будто бы я была ни обыкновенной кошкой, а каким-то неизвестным науке внеземным существом.

– Это Дымка – моя кошка. Можно она посидит со мной на уроке. Дымка никуда не уйдет с моей парты и никому не будет мешать.

– Хорошо. Только если это животное хоть мяукнет – сразу за дверь, а теперь начнем наш урок с проверочной работы. – С этими словами она раздала каждому ученику листок с заданиями. Поскольку Женя сидел один, то он мог рассчитывать только на себя, ну и на меня, конечно, только он этого, пока еще не знал. Тема работы: «Строение растительной и животной клетки» – прочитала я, а дальше – задание: Какие утверждения верны и ниже кратких предложений. На своем листочке нужно было поставить номер вопроса и рядом написать верно, или неверно. На восемь из двенадцати вопросов Женя ответил верно, даже не задумываясь, а вот четыре у него вызвали явное затруднение.

Тогда я осторожно ткнула лапкой в вопрос номер три: в рибосомах образуются сложные углеводы и смотря Жене прямо в глаза покачала головой из стороны в сторону, давая понять ему, что это утверждение неверно. Благо во времена моего обучения в университете у нас было достаточно много предметов по биологии.

– Дымка! Ты хочешь сказать, что здесь нужно писать: неверно? – зашептал он. – Я согласно покивала головой – мол, да, я так считаю.

– Эх, была, не была, – прошептал мальчик и поставил около вопроса номер три – неверно. А что в остальных? – спросил он меня. Я таким же образом подсказала ему ответы на остальные вопросы. Через пятнадцать минут учительница собрала все работы и объявила:

– Сейчас читайте параграф в учебнике и отвечайте на вопросы после параграфа, а я пока проверю ваши работы. Если будете вести себя хорошо – оценки в конце урока. – С этими словами она села за стол и углубилась в проверку.

По моим представлениям в классе должен был непременно подняться шум и гам до потолка, но мои ожидания не оправдались. Школьники сидели смирно и выполняли задания. Никто не вертелся, ни говорил, не тыкал сидящего впереди ручкой в спину, не кидался комками бумаги, в общем, ни делал ничего такого, что обычно делают ученики в обычном классе, как только учитель на что-нибудь отвлечется.

– Какой странный класс! Даже не интересно! – подумала я и от скуки начала читать вместе с Женей учебник. За пять минут до окончания урока учительница задала домашнее задание и сказала:

– Работы написали вы плохо. Критерий оценки я вам уже говорила: одна ошибка – это пятерка, две – четверка, три – тройка и четыре ошибки и больше – двойка. Женя заметно побледнел и стиснул руки в кулаки – он всегда переживал из-за оценок.

– Пятерок всего две: у Кашухиной Кати – у нее одна ошибка и у Фиркина Жени – ни одной! Поздравляю вас, ребята, – обратилась она к Жене и Кате, остальные оценки, следующие, и она перечислила оценки у остальных учеников.

– Поразительно! Невероятно! – шептал Женя, запихивая учебник и тетрадь в портфель. Я просидела с ним еще пять уроков, а потом мы пошли домой. По дороге он вдруг обратился ко мне:

– Дымка! А, может, ты человек? Где-то я читал о переселении душ. Вдруг и с тобой это случилось?

Я поразились его проникательности, посмотрела долго-долго в его добрые мальчишеские глаза и побежала дальше, ведь я все равно не могла рассказать ему свою историю.

Дома Женя вечером рассказывал о случившемся папе:

– Нет, пап, ты только подумай! Дымка знает биологию! Да, что биологию! Уже удивительно то, что она умеет читать! Я думаю, что раньше она была человеком, а теперь, в новой жизни стала кошкой.

– Ну, с переселением душ, Женя, ты, конечно, хватил через край. На самом деле, у тебя хорошо развита интуиция, а так как ты еще и очень впечатлительный, то тебе и показалось, что правильный ответ тебе подсказала Дымка, хотя ответил ты, естественно, сам. Но, послушай, интуиция это дело хорошее, только на нее одну рассчитывать не стоит. Поэтому иди-ка, дружок, делай уроки.

– Не поверил, – вздохнул Женя и отправился в свою комнату. Сидя за столом, он задумчиво глядел в окно, а потом сказал:

– Наверное, и в правду показалось. Пожалуй, нужно поменьше читать детской фантастики. А сейчас займусь математикой, а то завтра контрольная работа. Ох, как же надоели эти контрольные, хуже горькой редьки!

Дни шли за днями, неделя за неделей. Прошел месяц, как я поселилась у Фиркиных. Часто по вечерам свернувшись клубком в своей корзинке, я размышляла над своим положением.

– Что делать? – вставал передо мной во всей красе вопрос, который еще в девятнадцатом веке задавал Чернышевский. Остаться жить в этой семье? А сколько жить? Как обычной кошке? Максимум лет пятнадцать? Или все-таки, хоть я и в кошачьей шкуре, мне отмерена человеческая жизнь? Если мне сейчас тридцать, то это еще лет двадцать-тридцать, а то и сорок? Если так, то у меня есть шанс попасть в книгу рекордов Гиннеса, как самая живучая (хм, или долгоживущая, так вероятно правильнее) кошка на свете. Но все время быть кошкой? Из дня в день делать кошачьи обязанности: есть из мисочки и мурлыкать у хозяев на коленях? Нет, это ужасно, даже у таких замечательных людей, как Фиркины.

– Но что же мне делать? Что? – мучил меня вопрос, но ответ никак не приходил ко мне. Так продолжилось, как я уже говорила целый месяц. А потом, однажды вечером, когда я сидела на подоконнике в гостиной, осторожно помахивая хвостом, стараясь не сбить маленькие, колючие кактусики, в изобилии стоявшие вокруг (цветы, естественно по инициативе Лиды, разползлись по всем подоконникам, полочкам и шкафам в доме) решение пришло само собой. Смотря, как мелкий, скучный дождик шелестит в желто-бурой облетающей листве и оставляет мокрые дорожки на стеклах, мне пришло в голову:

– Для начала нужно отсюда уйти. Конечно, здесь неплохо, даже можно сказать хорошо, но, не двигаясь с места, никуда не придешь, ничего не добьешься. Когда убегу, нужно будет попробовать найти ту старушку. Скорее всего, только она может мне помочь.

Итак, план созрел. Мне было грустно расставаться с людьми, которые меня искренне любили. Но они любили кошку, домашнее животное, а я была человеком, хоть и в шкуре животного. Я должна была вернуть свой облик и возможно, повоевать за свое счастье. Теперь-то я знала, что свободна, что могу потребовать развод, а потом... Не буду пока думать о будущем, пусть оно мерцает огнями счастья из-за тумана неопределенности. Главное сейчас, стать самой собой.

Нужно было найти подходящее время для побега. В настоящее время

Я почти не оставалась одна. У Жени начались осенние каникулы, и он все время был со мной. На третий день после появления плана мне повезло. Было воскресенье и по окончании завтрака все семейство решило отправиться в кинотеатр. Женя хотел, было взять меня с собой, но папа резонно заметил, что в кино с кошками и собаками, да и вообще с любыми домашними животными не пускают. Женя грустно вздохнул и сказал:

– Но Дымка у нас такая умная, может, с ней пустят?

– Вряд ли, Женя. Ты так переживаешь, будто мы уезжаем на год в Африку, а не идем часа на три в кино. Давай быстро собирайся, а то опоздаем. Терпеть не могу смотреть фильмы не сначала.

– Хорошо пап. – Наконец, согласился мальчик и побежал в свою комнату одеваться.

Через десять минут все семейство стояло в прихожей. Я вышла их проводить, ведь сегодня я видела их в последний раз. Мне хотелось попрощаться с ними.

– Ну, Дымка, не скучай! – сказал глава семейства.

– До свиданья, Дымка! – прошептал Женя, на мгновение, прижав меня к груди. Неужели детское сердце почувствовало, что это наши последние секунды вместе?

– Женя! Идем! – позвала мама. И вот – дверь закрылась. Закрылась за людьми, которые стали дороги мне... Не знаю, плачут ли кошки, но у меня перед глазами все помутнело, расплылось и предметы стали подозрительно двоиться...

– Хватит! – приказала я себе, чувствуя, что могу разреваться не на шутку. – Пора действовать!

Выйти естественным образом, через входную дверь я не могла – замки были слишком высоко, да и не для кошачьих лапок. Оставалось искать другой выход. К счастью, мне разрешали ходить по всем комнатам. Я начала обход. Отлично! На кухне настежь открыта форточка – оттуда можно прыгнуть на подоконник, а потом на узкий карниз, идущий вокруг дома, с которого уже можно было вылезти на балкончик в подъезде. Несомненно, это слишком рискованно, легко свалиться вниз, но другого выхода нет, надо рисковать. Ждать другого подходящего случая не хотелось. Почему-то казалось, что если я убегу именно сегодня, то у меня все получится – я стану вновь человеком.

Сидя на подоконнике, я уже приготовилась к прыжку на форточку, как услышала скрежет ключа в замке.

– Что это? Неужели они вернулись? Наверное, Женя что-нибудь забыл. – Подумала я. – Что ж придется побег чуть-чуть отложить.

Я спрыгнула с подоконника и побежала в прихожую. Сев у двери я стала ждать. Дверь еще не открылась, кто-то осторожно ковырял в замке.

– Что они там возьмется? Замок заело что ли? – с раздражением подумала я и тут услышала тихий шепот за дверью:

– Они все только что уехали, сам видел. Слышал, что собираются в кинотеатр, значит, их не будет часа два-три. Успеем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.